

В.И. Ленин и актуальные проблемы диалектической логики

«Коммунист», 12 (1969), с. 24-35

Потребность в глубокой и всесторонней разработке материалистической диалектики в ее функциях логики и теории познания и как современного научного мировоззрения приобрела в наши дни особую остроту. Отчетливо выраженный диалектический характер проблем, возникающих во всех сферах социальной действительности и научного познания, заставляет все яснее осознать, что только марксистско-ленинская диалектика способна быть методом научного познания и практической деятельности, активно помогать ученому в теоретическом осмыслении экспериментально-фактических данных, в решении проблем, встающих в процессе научного исследования.

Разработка диалектики как логики научного познания особенно актуальна на современном этапе идеологической борьбы. Хорошо известно, сколь широко спекулирует современная буржуазная философия, и в первую очередь неопозитивизм, на потребности современной науки в строго продуманной логике мышления. Можно сказать, не рискуя впасть в преувеличение, что именно столкновение материализма и идеализма в трактовке природы мышления и соответственно характера науки о мышлении (то есть логики) в последние десятилетия сделалось одним из главных полей сражения философских систем – тем плацдармом, который прежде всего старается отвоевать у марксистско-ленинского мировоззрения современный идеализм. И это не случайно. Диалектическая логика разрабатывает идеи и принципы построения научного мировоззрения; она не просто одна из наук в ряду многих других, а «живая душа» всего научного познания. Понятно поэтому стремление современной буржуазной философии установить монополию на разработку «логики современной науки».

Актуальность творческой разработки логики с позиций диалектического материализма, на базе ленинской теории отражения вытекает и из того, что только на этом пути можно найти убедительные опровержения новейших идеалистических фальсификаций теоретико-познавательных проблем и наметить реальные перспективы плодотворного развития науки. [24]

Мысль о том, что только диалектика, и именно материалистическая диалектика, может играть роль логики современного научного познания, звучит лейтмотивом в произведениях В.И. Ленина. В непонимании этой «сути дела» В.И. Ленин видит главный недостаток интерпретации диалектики Плехановым, показывая, что игнорирование логического аспекта диалектики как раз и ведет к превращению ее в «сумму примеров», подтверждающих хотя и справедливые, но давно известные общие истины. При этом сама диалектика лишается

научности и внутренней цельности. И если в популярных сочинениях этот недостаток еще может быть до известной степени допустим, то он становится совершенно нетерпимым, когда речь заходит о научном изложении диалектики.

«Законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека», – подчеркивает Ленин. В этой афористически краткой формуле органически соединяются (а не механически связываются) четкое понимание объективного характера категорий и законов диалектики и раскрытие их *активной* роли в процессе наращивания знаний, их логической функции в составе развивающегося научного мировоззрения. Одно без другого ни понять, ни грамотно изложить нельзя – на этом постоянно настаивает Ленин. Нельзя доказать объективность законов и категорий диалектики, абстрагируясь от исследования процесса познания, от исследования истории познания и техники, от процесса отражения объективного мира в сознании человека. Обособленное рассмотрение этих двух аспектов обесмысливает тот и другой одновременно. Действительно, объективность законов и категорий диалектики не дана человеку непосредственно, как некая готовая и данная в созерцании (в виде ряда «примеров») картина, а раскрывается только в ходе трудного и длительного развития естествознания и техники, общественных наук и социальной практики. Она выступает в сознании человека только как «итог, сумма, вывод *истории* познания мира».

Это принципиально важный момент. Если логика есть наука, а не просто эмпирическое описание тех «приемов», «методов» и «правил», которыми пользуются в современной науке, то она должна обосновать *объективное значение* своих положений и рекомендаций. Иными словами, она обязана показать, что формулируемые ею законы мышления не просто пожелания и советы, которым можно следовать, а можно и не следовать, но такие формы и законы, в рамках которых развивается мышление любого теоретика, если оно научно. Иначе исчезает всякая разница между научным мышлением и капризами воображения, а стало быть, и всякая возможность строить логику как научную дисциплину, требования которой имеют объективный характер, характер научных – то есть не зависящих от произвола отдельных ученых – истин.

История философии наглядно показала, что любая попытка доказать всеобщий и необходимый (а тем самым и общеобязательный) характер логических норм мышления на ином пути, нежели на пути марксистско-ленинской теории отражения, обречена на заведомую неудачу и что *объективность* логических форм и закономерностей не может быть обоснована ссылками на «природу мышления как такового», на «трансцендентальное единство апперцепции» или на «божественную природу абсолютной идеи», управляющей мышлением изнутри.

Если всеобщие формы и законы развития внешнего мира (то есть всех природных и общественно-исторических процессов) не [25] рассматриваются как объективный источник, объективная основа логических форм и закономерностей, то логика вообще утрачивает объективное основание своих обобщений и начинает казаться лишь продуктом «свободной» (совершенно произвольной) «игры ума». «Общеобязательность» же логических норм представляется в таком случае лишь следствием «доброй воли» отдельных ученых, пришедших к согласию, «конвенции» относительно тех или иных «способов описания».

Именно поэтому так важна для логики, для ее объективного обоснования разработанная Лениным теория отражения, положенная в основу понимания всей *истории познания* мира человеком.

Если логика не понимается как наука об объективно обусловленных формах и законах развития мышления, то есть как наука об отраженных и отражаемых мышлением формах и законах развития внешнего мира (природы и общества), то она и не является логикой в философском смысле этого слова.

Ленинское понимание диалектики нацеливает на ее разработку именно как всеобщей теории развития объективной действительности и мышления. И поскольку только процесс познания в целом, в его движении от незнания к знанию, способен различить подлинно всеобщие (то есть философские) категории и закономерности развития от частных, хотя бы и очень широко действующих в природе и истории закономерностей и форм их проявления, постольку диалектика, как общее учение о развитии, обретает свою научную форму лишь в ходе тщательного критического анализа всей истории познания в целом. Особое значение в этой связи имеет философское обобщение современной научно-технической революции и опыта борьбы коммунистических и рабочих партий за переход от капитализма к социализму и коммунизму во всемирном масштабе.

С другой стороны, диалектико-материалистическое понимание природы логики способно избавить и саму логику от опасности односторонне-формалистического перерождения, от превращения в систему схем «чисто субъективной деятельности», в собрание чисто технических «приемов» оперирования со знаковыми структурами. Эта опасность утраты логикой своего предмета не выдумана, – реальность ее доказана всей эволюцией логики на основе философских концепций, принципиально враждебных диалектико-материалистическому направлению, в частности ее судьбой в рамках неопозитивистской философии.

Если в понимании логических форм (категорий и законов логики как науки) не проводится неукоснительно принцип отражения, если, иными словами, логические формы не понимаются как отражение в сознании человека объективно-всеобщих закономерностей действительности, то логика неизбежно теряет способность различать подлинные формы мышления от форм языка, в котором они находят свое выражение, что и является характерным для современного позитивизма. В итоге рано или поздно предмет исследования логики как науки о мышлении подменяется предметом других, хотя и важных, но все же других научных дисциплин.

Поэтому, в частности, на наш взгляд, не случайно неопозитивистская «логика науки» рассыпается на множество плохо связанных между собою направлений и «аспектов» исследования и оказывается не в состоянии связать их в рамках единого теоретического понимания. Место логики как науки о мышлении заступает в итоге «анализ языка», а аппарат логики заменяется схемами «операций» с терминами и символами, системой «алгоритмов», преобразований «высказываний» и правил получения одних знаковых конструкций из других знаковых конструкций.

Признавая всю важность и актуальность такого рода исследований, обусловленных тем, что научное мышление действительно выражается в специальном языке и [26] потому связано его требованиями и ограничениями, надо все же сказать, что если в них начинают видеть главную, если не единственную задачу логики, то, понятая таким образом, она перестает быть наукой о мышлении и попросту утрачивает свой предмет.

Полемизируя с неопозитивистскими установками в физике, А. Эйнштейн писал: «Физические книги полны сложных математических формул. Но началом каждой физической теории являются мысли и идеи, а не формулы»¹. Развивая свою мысль, ученый показывал, что движение «мыслей» и «идей» осуществляется как раз в тех формах, которые философия издавна именуется «логическими категориями».

Неопозитивизм оставляет вне поля зрения самое «движение идей», в котором (это хорошо сознают крупнейшие естествоиспытатели) как раз и заключается подлинная суть научного мышления. Он пытается изобразить науку только в виде совокупности «формул» и «правил оперирования», а существо научных проблем, в свете которых эти формулы только и имеют смысл, оказывается вне поля его зрения. В противоположность этому диалектическая логика рассматривает как раз «переход от незнания к познанию», раскрывает общие закономерности проникновения мышления в более глубокую сущность изучаемых объектов и тем самым методологически вооружает специальные науки.

2

Центральной проблемой диалектики, ее «ядром», по выражению Ленина, является проблема противоречия.

Вопреки наивным, а подчас и просто недобросовестным толкованиям материалистическая диалектика вовсе не является методом, обязывающим повсюду и во что бы то ни стало отыскивать, фиксировать и нагромождать друг на друга «противоречия», антиномии, апории и парадоксы. При таком толковании основное устремление диалектического мышления и в самом деле показалось бы прямо противоположным по сравнению с целями науки. Такое представление о диалектике старается внушить читателям, например, известный противник марксистско-ленинской философии Сидней Хук. «Если все в природе противоречиво и если... правильное мышление есть образ или отражение вещи, — пишет он, — тогда последовательность [то есть формальная непротиворечивость. — *М.Р., Э.И.*] будет постоянным признаком ложности». Видимо, именно такое, не соответствующее истине представление о диалектической логике иногда и настраивает даже некоторых авторитетных естествоиспытателей, особенно на Западе, на недоверчивое, а то и прямо на недружелюбное отношение к ней.

Диалектическая логика, как известно, родилась как теоретическое обоснование метода, позволяющего находить конкретное и разумное разрешение противоречий, вновь и вновь объективно вызревающих в процессе развития науки. Так что обвинять диалектику в злокозненном стремлении нагромоздить противоречия и тем разрушить стройное здание науки просто нелепо.

Важно при этом подчеркнуть и то, что четко и ясно зафиксировать противоречие — значит сделать только полдела. Подлинно диалектическое понимание противоречия включает также и способ его разрешения в рамках более конкретного, более глубокого и точного отражения существа дела. Именно это и нацеливает на выработку оптимальных способов их практического разрешения. [27]

Подлинное теоретическое разрешение противоречия, обнаруживающегося в рамках той или иной специальной науки, заключается всегда в нахождении перехода противоположностей друг в друга. «Обычное представление, — подчеркивает В.И. Ленин, — схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому, а *это самое важное*», — ибо «понятия не неподвижны, а — сами по себе, по своей, природе = *переход*»².

Только при таком понимании этой фундаментальной категории логики научное мышление ориентируется на отражение «диалектики самих вещей, самой природы, самого

хода событий»³, на ее теоретическое воспроизведение в «логике понятий», в *диалектике* этих понятий.

В противном случае мышление застревает на простой и бесплодной фиксации противоположных теоретических определений и оказывается бессильным найти конкретное разрешение выявленных противоречий, что рано или поздно приводит к разрушению, «разложению» теории, а подчас и капитуляции научного подхода перед выявившейся трудностью.

Наглядным примером этого служит история буржуазной политической экономии, зашедшей в тупик при попытках разрешить антиномии трудовой теории стоимости. Показательно, что для буржуазной науки эти антиномии так и остались и до сих пор остаются неразрешенными и неразрешимыми. И единственный выход, который смогла найти из них буржуазная мысль, – это отказ от самого *понятия* стоимости.

С другой стороны, диалектика наглядно продемонстрировала всю свою силу как раз в этом – роковом для буржуазной науки – пункте. Только Маркс, сознательно руководившийся диалектической логикой, сумел спасти теоретическое наследие классической трудовой теории стоимости и развить ее рациональные зерна в строго систематическую теорию стоимости и прибавочной стоимости.

Буржуазные экономисты до Маркса выявили антиномию, заключающуюся в теоретических определениях стоимости как всеобщей категории товарно-капиталистического хозяйства. Они обнаружили, что закон стоимости, как закон обмена эквивалентов, непосредственно противоречит закону приращения стоимости в форме капитала (или понятию капитала как «самовозрастающей стоимости»). С формальной точки зрения противоречие в определениях сути дела было налицо: если закон стоимости является высшим и непререкаемым законом рыночных отношений, то капитал, постоянно рождающий прибыль, становится явлением «незаконным», то есть невысказанным и невозможным. Отсюда возникает проблема, которую К. Маркс сформулировал следующим образом: «Наш владелец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него... Таковы условия проблемы. *Hic Rhodus, hic salta!*»⁴

Решение задачи может быть найдено лишь при том условии если «нашему владельцу денег... посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т.е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости...»⁵.

Таким образом, чтобы разрешить то логическое противоречие, на которое натолкнулась буржуазная политическая экономия теоретику надо обнаружить в движении самой экономической действительности этот «оригинальный товар», который и превращает «теоретически-немыслимый» (ибо «противоречивый») факт в [28] теоретически-понятый факт, притом понятый вполне рационально, без всякой мистики. «...Владелец денег находит на рынке такой специфический товар; это – способность к труду, или рабочая сила»⁶.

Подчеркнем, что указанное теоретическое противоречие (как, впрочем, и любое другое) неразрешимо никакими, сколь угодно изощренными формальными средствами. Но до тех пор, пока это противоречие не разрешено, теория стоимости разваливается на куски, на несовместимые друг с другом фрагменты и разделы, что лишает возможности научно понять действительность. Проблемы подобного рода так и остаются принципиально неразрешимыми, если на помощь не приходит диалектическая логика, та самая логика, которой мастерски владели Маркс, Энгельс, Ленин.

Материалистическая диалектика, таким образом, дает метод раскрытия и разрешения противоречий, выявившихся в процессе развития науки, посредством тщательного анализа движения самой действительности, отражаемой данной теорией. Этот вывод прямо вытекает из рассмотренного нами примера.

То же самое происходит и в естествознании.

Что движение научной мысли в современном естествознании все четче обнаруживает тенденцию именно к глубокому пониманию и применению диалектики, видно из размышлений многих ведущих естествоиспытателей. Важно при этом подчеркнуть и то, что даже в произведениях крупных ученых – таких, как Борн, Бор и других – еще не вставших сознательно на позиции материалистической диалектики, явно заметна стихийная тенденция к диалектико-материалистическому осмыслению фундаментальных проблем естествознания.

Ленинскому пониманию диалектики как логики и теории познания органически присущ глубокий, конкретный историзм. Принцип историзма обязывает, в частности, рассматривать каждую теорию (каждую систему понятий) не только и не просто в прямом сопоставлении с тем предметом, который в ней отражен, но также и в ее историческом значении. Это значит, что любая теория, в том числе и теория самой диалектики, должна непременно рассматриваться как развернутый ответ на те конкретные вопросы, которые были выдвинуты перед нею ходом исторического развития познания и нашли в ней свое разрешение.

Это нужно особенно подчеркнуть в связи с новейшими попытками исказить диалектико-материалистические взгляды на этот вопрос. Так, автор недавно вышедшей в Мюнхене книги «О диалектической логике» Эдуард Хубер, пытаясь подвести итог дискуссиям о логической роли противоречия, делает вывод: «При всех различиях между отдельными советскими философами ясно одно: принцип противоречия [в данном случае – в смысле «запрета противоречия». – М.Р., Э.И.] имеет значение, и притом безоговорочное. Диалектическое же противоречие есть неадекватное отображение реальности, есть лишь способ постановки проблемы. Конечно, и постановка вопроса отражает реальность, поскольку мы о реальности не знаем ничего, кроме того, что она задает нам ту или иную проблему. Если это отражение, то такое отражение, которое выражает свою собственную неполноценность».

Хубер не хочет видеть, что реальность сама по себе, объективно, может содержать в своем составе неразрешенное противоречие (которое и выступает в сознании теоретика как проблема). Отражение этого противоречия в понятиях и есть самое адекватное, а вовсе не «сознающее свою неполноценность» отражение, хотя, разумеется, [29] и не окончательно завершенное, а требующее дальнейшего развития. С точки зрения же Хубера, любое отражение «неадекватно», поскольку требует дальнейшей конкретизации. Э. Хубер, по-видимому, согласен считать «адекватным» лишь абсолютно законченный процесс отражения, а относительно верному отражению в таком достоинстве отказывает. Тем самым он демонстрирует только свою собственную неспособность увязать понятие отражения с понятием диалектического противоречия, но приписывает это свое непонимание марксистской философии и тем самым предлагает читателям искаженное представление о ее позиции.

Следует специально подчеркнуть, что диалектическое *разрешение* противоречий в науке ни в коем случае не означает их *устранения* из теории. Наоборот, теория как раз и

показывает ту конкретную форму, в которой совершается движение, взаимный переход ранее выявленных противоположностей.

Однако когда проблема решена, ответ найден и сформулирован, легко может создаться иллюзия, будто диалектическое противоречие – лишь временное, притом болезненное состояние теоретического интеллекта. При этом не учитывается, что в формальном аппарате теории как бы «забывается» та реальная проблема, ради решения которой он был построен, – сама проблема в его формулах не выражена, в них выражен лишь способ ее решения. Поэтому и неправомерно полагать, будто единственным принципом построения и соответственно исследования научных теорий является формально-логическая последовательность, «непротиворечивость». Этот принцип, весьма важный и чрезвычайно плодотворный, применим все же лишь в определенных границах. Но коль скоро та или иная теория анализируется только с точки зрения этого принципа, она тем самым изымается из обусловившего ее исторического контекста и рассматривается в отвлечении от того, какие именно противоречия в ней сняты и разрешены.

Это часто и порождает заблуждение относительно того, будто исторически конкретные – а потому и исторически ограниченные – итоги, результаты развития мышления представляют собой окончательно установленные, абсолютные схемы решения любых проблем и вопросов, своего рода «отмычки», автоматически приводящее к решениям, к какой бы проблеме их ни применили.

Именно историзм, органически присущий диалектической логике, обнаруживает фундаментальные идеи, представляющие собой существо науки, то есть очерчивает перспективные линии развития, позволяющие ученому избежать опасности впасть в косный догматизм. Классики марксизма-ленинизма не без основания считали, что история мысли, в том числе история философии, дает масштаб для оценки возникающих в науке идей, воспитывает культуру теоретического мышления, обеспечивающую широту и основательность суждения.

В.И. Ленин неустанно подчеркивал значение классического философского наследия для воспитания диалектической культуры мышления, призывал опираться на лучшие традиции философской диалектики, критически усвоенные марксизмом. Многочисленные ленинские работы, прежде всего «Философские тетради», представляют собой блестящий образец остро критического и вместе с тем бережного отношения к идеям философских предшественников, к их драгоценному наследию. Особую роль В.И. Ленин, как известно, отводил критически-материалистическому усвоению великих завоеваний гегелевской диалектики, предлагая «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т.е. той диалектики, [30] которую Маркс практически применял и в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах...»⁷. Эта ленинская рекомендация остается в силе и поныне, намечая одну из важнейших предпосылок разработки диалектической логики с материалистических позиций. При этом, однако, важно помнить и другое ленинское указание, заключенное в этой рекомендации: критически-материалистическая переработка лучших образцов домарксовской философской диалектики может быть успешно осуществлена лишь тогда, когда она будет производиться с учетом богатейшего опыта, накопленного человечеством в ходе экономической, политической и теоретической борьбы, когда масштаб критической оценки философского наследия будет выступать объективная диалектика реального исторического процесса, включая и развитие современного естествознания и техники.

Принцип историзма в логике есть такое понимание, согласно которому логические категории в современно-теоретической форме своей последовательностью воспроизводят (отражают) реальный исторический процесс развития знаний и объекта познания; только такой принцип может служить ключом к их систематизации. Логические категории, подчеркивал В.И. Ленин, нельзя «произвольно или механически взять», их необходимо *вывести* «исходя из простейших, основных»⁸, и это «выведение» логических определений не имеет и не может иметь иного объективного основания, кроме истории их возникновения, развития и применения. «Действительная история есть база, основа, бытие, за *коим* идет сознание»⁹. В противном случае неизбежен субъективный произвол, неизбежна разногласица, а как следствие – полная бессистемность.

Давно известно, что собрание разрозненных знаний еще не образует науки, что последняя есть только там, где фактические данные (и выражающие их понятия) объединены в единую систему. И если логика есть наука, то она сама должна показывать пример строго последовательного и объективно обоснованного развития своих понятий, пример *логичности* этого развития. «Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, – писал Ф. Энгельс, – не довольствуется тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления... Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из нижестоящих»¹⁰.

Поэтому последовательность развития логических понятий, составляющих в своей связи и совокупности теорию логики, – это не чисто формальное требование, не проблема внешней упорядоченности изложения, а вопрос, касающийся самой сути дела. Самое важное тут заключается в том, что вне и помимо теоретической системы не может быть точно установлено и определено содержание любого научного понятия. Это известно каждой науке. Скажем, дать научный, а не описательный ответ на вопрос, «что такое рента и процент», в политической экономии нельзя, если предварительно не развиты понятия прибавочной стоимости и стоимости. В обратном порядке невозможно научно понять ни того, ни другого. С логическими категориями дело [31] обстоит совершенно аналогично. Либо порядок развития их научных определений обуславливается историей формирования духовной культуры и отражает их реальную, исторически прослеживаемую генетическую связь, либо дело ограничивается бессвязным нагромождением «произвольно взятых» или «механически перечисленных» определений.

Об этом приходится напоминать в связи с распространившейся в последнее время модой на «структурализм» или «структурно-функциональный анализ». Ссылаясь на определенные достижения, полученные на основе применения структурно-функциональных методов в некоторых науках (лингвистика, биология и др.), некоторые философы решили распространить этот метод на все области человеческого знания, включая даже диалектику, которую они пытаются «структурировать».

Можно ли возводить структурный метод в абсолют и можно ли «структурировать» диалектику?

Напомним, что структурный метод не появился неожиданно, а претерпел длительную эволюцию: зародившись в недрах феноменологического мышления, он из частного вспомогательного или прикладного постепенно благодаря все более тесному контакту с

конкретными науками превращается в самостоятельный. Правда, и это важно подчеркнуть, несмотря на все изменения в ходе эволюции, он никогда не выходил за рамки анализа сложившихся структур, отвлекаясь от исследования внутренних причин их изменения и развития. Поэтому не случайно одним из главных принципов структурного метода является противопоставление «синхронии» и «диахронии», означающее, по существу, отрицание одного из важнейших принципов современного научного познания – совпадения логического и исторического, что исключает возможность научно обоснованного построения системы диалектических категорий. Уже в силу этого структурный метод, при всей его плодотворности в ходе анализа «ставшего» знания, не может претендовать ни на статус всеобщего, философского метода познания, ни тем более на роль орудия или средства перестройки категориальной системы материалистической диалектики. Об этом наглядно свидетельствует неудавшаяся попытка Годелье, Альтюссера и других «структурировать» логику «Капитала» Маркса.

«Структура» – категория не новая. Уточнить это понятие, поставив его в связь с другими категориями диалектики, то есть определить его именно как «ступеньку», как «узловую точку» познания, дело, несомненно, полезное и важное. Но менять всю последовательность научных понятий материалистической диалектики, всю систему их научных определений путем приспособления ее к частным нуждам «структурного анализа» представляется затеей весьма легкомысленной.

«Структурный метод» сознательно абстрагируется от всех фактов, связанных с историей возникновения, формирования и перспективой эволюции тех «структурных образований», о которых в данном случае идет речь. А тем самым, естественно, и от тех внутренне присущих им противоречий, которые как раз и стимулируют рождение, формирование и в конце концов «гибель» указанных структур (то есть процесс их преобразования в более высокие и исторически позднейшие структуры). Нетрудно представить, как будет выглядеть теория материалистической диалектики, если ее перестроить по схемам и моделям структурного анализа.

Отсюда видно, как беспочвенна иллюзия, будто какой-либо отдельный «новейший успех» современной науки способен [32] «опровергнуть» весь до сих пор накопленный – и выраженный именно в категориях диалектической логики – исторический опыт познания.

Задача укрепления связи философии и естествознания ничего общего не имеет с искусственным приспособлением определений и категорий материалистической диалектики к тому или иному отдельно взятому открытию в области специальных отраслей знания с поспешным «исправлением» ее аппарата во всех тех случаях, когда он кажется не соответствующим этому достижению. Наоборот, задача обобщения успехов современной науки состоит прежде всего в их критическом анализе с точки зрения истории познания в целом, то есть с точки зрения всей системы диалектических категорий.

Развивать и уточнять категории диалектики нужно. Но это предполагает, что логические категории, подвергаемые уточнению, понимаются в соответствии с действительным богатством их теоретического содержания, которое раскрыто в трудах подлинных мастеров диалектического мышления – Маркса, Энгельса и Ленина.

Нередко же «развивать» и «опровергать» определения классических категорий диалектики берутся философы и нефилософы, даже не потрудившись уяснить себе их реальное содержание, которое они приобрели в марксистско-ленинской философии.

Например, иногда заявляют, что ленинское понятие «отражения» якобы «исключает активность субъекта», обрекает теорию познания на «созерцательность», а человека – на роль пассивного зеркала существующего положения вещей и т.д. и т.п. Между тем не составляет большого труда показать, что такого рода упреки основываются на весьма приблизительном, искаженном, а то и просто карикатурном представлении о содержании, которым наполняется эта категория в трудах Ленина, а также Маркса и Энгельса. В таких случаях надо «исправлять» не философские категории, а те представления о них, которые составили себе чересчур ретивые «новаторы». Никогда не следует забывать урока, который В.И. Ленин преподавал таким «новаторам» в философии в связи с определением понятия материи. С понятием «отражения» ныне происходит то же самое.

Разумеется, если «отражение» понимать без всякой связи с материалистической диалектикой – то есть на уровне XVIII века, – то оно и в самом деле окажется понятием «несовременным», «устаревшим». Но если понимать его по Ленину, то безнадежно устаревшими окажутся именно те представления о познании, которыми его хотят заменить, несмотря на то, что эти представления облекаются в сверхсовременную терминологию.

Логические категории – будь то материя, отражение, количество или качество и т.д. – определяются отнюдь не через простое суммирование (которое подчас выдается за подлинно философское обобщение) тех конкретных представлений, которыми располагает о них наука на сегодняшний день. Количество, например, в философском смысле не сводится к тому, что знает о количественном аспекте реальности современная (а не только вчерашняя) математика, ибо уже завтра математика за эти пределы выйдет. И человек, который не знает, что именно понимается в философии под терминами «количество», «материя», будет опять говорить, что математика «вышла за пределы количества», а физика вышла за пределы понятия «материи» и т.д. и т.п.

Логические категории определяются вовсе не путем указания на «примеры», а гораздо более сложным и трудным путем – путем исследования истории познания с точки зрения формирования и применения этих категорий, а именно в процессе изменения конкретно-научных представлений и понятий и формирования новых. Логические категории – как раз то устойчивое, сохраняющееся (инвариантное), что откristаллизовывается и остается в ходе изменения всех частных и конкретных понятий, их переходов и превращений, их преобразований. Именно поэтому они и являются логическими категориями. И именно по той же причине они не изменяются так быстро и так часто, как конкретно-научные представления и понятия.

Если в нашей литературе, посвященной обсуждению проблем диалектической логики, еще очень часто дает себя знать отсутствие строго [33] продуманной и объективно обоснованной систематичности (а тем самым и определений каждой отдельной категории, которая только в системе и через систему может быть строго определена), то это положение сильно усугубляется массовым наплывом в диалектический материализм философски не переваренной терминологии из специальных областей знания (математики, кибернетики и даже радиотехники). Само собой понятно, что эта терминология имеет важнейшее значение и смысл внутри определенных областей познания. Однако увлеченные ею философы и специалисты подчас склонны непосредственно универсализировать эти узкоспециальные понятия и придавать им значение общефилософских категорий.

Ничего, кроме пустой видимости «развития» категорий диалектики, на этом пути, естественно, не происходит. Хуже того, слишком часто модный термин, обозначающий то или иное конкретно-научное понятие (или даже представление), начинает вытеснять из обихода науки гораздо более содержательную и конкретно разработанную логическую категорию. В составе самой логической категории начинают видеть и понимать только те ее определения, которые «соответствуют» частному, узкоспециализированному представлению. Так происходит, например, с понятием «обратной связи», то и дело замещающим гораздо более конкретную в логическом отношении категорию «взаимодействия», так в «отражении» начинают видеть прежде всего «информацию» или «моделирование», а самую логику изображать через понятия «блок-схем», «операторов» и «конфигураторов». При этом совершается вовсе не обогащение старых категорий новыми определениями, а, как раз наоборот, обеднение их содержания, подмена их полного и конкретного смысла содержанием частного понятия.

Частному же понятию придается чересчур широкий и неопределенный смысл. В итоге весь мир видится сквозь очки той или иной узкоспециальной отрасли современного знания вместо того, чтобы эту узкоспециальную отрасль с ее понятиями рассматривать в контексте научного, то есть диалектико-материалистического, мировоззрения.

Увлекает тут видимость «понятности», близости к миру представлений современного ученого-специалиста или техника, сформированному важной, но все же ограниченной (а про это и забывают) сферой деятельности, сферой фактов.

Диалектическая логика, разумеется, исследует и должна исследовать опыт современного научного мышления, обогащаясь его достижениями. Но делать это она должна именно как логика, оставаясь логикой, то есть *развивая* на базе этих достижений свои проверенные категории, не подменяя их специальными понятиями других наук. Категории диалектики, имеющие более чем двухтысячелетнюю историю, представляют собою квинтэссенцию всего грандиозного и – о чем тоже нельзя забывать – драматически противоречивого опыта, накопленного людьми и в процессе познания и в процессе реальной практически-предметной деятельности. В них нашли свое философско-логическое выражение не только успехи, но и уроки тяжких заблуждений познания, диалектически связанные с продвижением вперед, в них четко отмечены те узловые точки пути, в которых истина, неосторожно «продолженная» дальше, чем позволяет природа вещей, становится заблуждением, сохраняя все формальные признаки истины, – и эти уроки также ценны. Поэтому только история мышления и техники, как и социальной борьбы, взятая в целом и притом в ее полном развитии, правомочна доказывать и опровергать их объективность, то есть в данном случае – их универсально-логическое значение. Никакой отдельный, частный, хотя бы и блистательный, успех современного естествознания не может служить достаточным критерием «правильности» определений логических категорий.

Когда речь идет о разработке диалектической логики, то имеется в виду последовательное и систематическое продвижение вперед по пути, на котором давно развивается марксистско-ленинская философия. [34] Краеугольные камни Логики с большой буквы давно и прочно заложены в трудах классиков марксизма-ленинизма. Более того, буквально каждое произведение Маркса, Энгельса и Ленина можно рассматривать как образец сознательного и продуманного применения этой логики к решению конкретных теоретических и социальных проблем. Диалектика давно доказала свою «эвристическую» силу в функции логики теоретического анализа, логики творческой разработки научного мировоззрения.

В.И. Ленин поэтому не случайно вновь и вновь возвращается в своих размышлениях по поводу диалектической логики к бессмертным творениям Маркса. «Если Marx не оставил *«Логики»* (с большой буквы), – писал В.И. Ленин, – то он оставил *логику* *«Капитала»*, и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В *«Капитале»* применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» ¹¹.

Прослеживая логику развития понятий в *«Капитале»*, Ленин делает не менее категорический и конкретный вывод: «Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)» ¹².

Надо добавить, что сказанное В.И. Лениным о *«Капитале»* и его роли в разработке диалектической логики в полной мере относится и к классическим трудам самого Ленина, в частности к его анализу империалистической стадии развития буржуазного общества как прямому продолжению марксова анализа капитала, – он обладает теми же логическими достоинствами, какие характеризуют *«Капитал»*. Это также последовательно и мастерски примененная к развитию одной науки *общая теория диалектического мышления*. Это также

не только и не просто «частный случай диалектики вообще», но такой частный случай, в котором отчетливо проступают именно всеобщие принципы диалектического мышления, впитавшего в себя и критически переработавшего всю культуру философской диалектики в ее лучших образцах.

На этом — ленинском — пути только и может вестись плодотворная работа по исследованию подлинной логики развития научного мировоззрения и созданию единственной теории научного познания, соответствующей уровню и запросам современного естествознания, общественных наук и общественной практики. Активную роль в коммунистическом переустройстве мира диалектическая логика может выполнять только в том случае, если она понимается и разрабатывается по-ленински, материалистически (то есть на основе диалектико-материалистической теории отражения). Таков главный вывод, вытекающий из анализа философского наследия великого Ленина. [35]

¹ Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Москва, «Наука», 1967, т. IV, с. 530.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 29, с. 128, 206-207.

³ Там же, с. 100.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 23, с. 176-177.

⁵ Там же, с. 177.

⁶ Там же, с. 178.

⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 45, с. 30.

⁸ Там же, т. 29, с. 86.

⁹ Там же, с. 237.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 538.

¹¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 29, с. 301.

¹² Там же, с. 318.